

ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX В. В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ*

Т. Н. ЖУКОВСКАЯ

До середины XIX в. и превращения российского университета в общественно значимый институт его социальная замкнутость сближала его со средневековыми европейскими прообразами более, нежели с современными ему «классическими» университетами Германии. К тому же в университетских городах Европы уже в XIV — XV вв. «помимо горстки профессиональных магистров и нескольких десятков университетских корпораций существовала обширная, но аморфная «университетская среда»¹. В силу социальной «растворенности» немногочисленного сообщества универсантов в столичных российских городах и отсутствия в рассматриваемый период четко выстроенной модели социального поведения и системы социальных связей «университетского человека», плотная «университетская среда» в первой трети XIX в. еще не могла сложиться ни в Москве, ни тем более в Петербурге. В сравнении с университетом конца XIX в. можно говорить о явной социальной обособленности, «закрытости» дореформенного университета. Современные исследователи не случайно подчеркивают пространственную обособленность университета применительно к XVIII — началу XIX вв., выраженную в том, что его территория обносилась оградой с воротами и караулом на входе². В этом можно усмотреть не только проявление полицейских предосторожностей, но и выражение стремления конструировать особый университетский мир «внутри ограды», поддерживать дух и стиль университета в агрессивных по отношению к нему условиях имперского столичного города.

Целью настоящей работы является попытка реконструировать систему связей дореформенного университета, рассмотренную с точки зрения социальной истории, на примере Петербургского университета. Это, надеюсь, позволит показать и специфику Петербургского университета в отношении к другим университетам империи и то, насколько реально приближался российский университет того времени к германской модели, к которой были обращены взоры авторов университетской реформы начала XIX в.

Предвижу со стороны читателя закономерный вопрос: можно ли распространять термин «Петербургский университет» на первые десятилетия XIX в.? Этот вопрос порождается состоянием историографии и всем известным конфликтом точек зрения московских и петербургских университетских историков, который влияет на содержание исследований по данной проблематике вот уже более 20 лет и определяется как

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Германского исторического института в Москве

¹ Уваров П. Ю. История интеллектуалов и интеллектуального труда в Средневековой Европе М., 2000. С. 21.

² Кулакова И. П. Университетское пространство и его обитатели. Московский университет в историко-культурной среде XVIII века. М., 2006. С. 179–185 (глава «Семантика изоляции»).

«спор о первородстве»³. Согласно «московской» версии, ни Академический университет XVIII в., ни Педагогический институт в Петербурге, действовавший в 1804 — 1819 гг., а) не имеют ничего общего с классическим университетским типом учебного заведения; б) не воспринимались законодателями и современниками как университет; в) их не нужно связывать с университетом, «открытым» в Петербурге формально лишь в 1819 г. Излишне говорить, что «петербургская» трактовка утверждает прямо противоположное, связывая историю университета до и после 1819 г. в единое целое. Строго говоря, научной дискуссии между московской и петербургской «партиями»-то и нет, поскольку нет точек соприкосновения. Стороны попросту игнорируют аргументы друг друга, притом очевидно, что каждая в большей или меньшей степени ангажирована. Все это откровенно уводит «спор о первородстве» за рамки науки.

Во-первых, скажу сразу, что не сомневаюсь в правомочности рассмотрения истории Петербургского Педагогического института до 1819 г. и университета после 1819 г. как одного непрерывно действовавшего учреждения, которое приняло новое название, упорочило свое юридическое положение в 1819 г., но *не изменило ни состава, ни характера деятельности*. Однако я бы хотела в большей степени сосредоточиться не на истории Петербургского университета как учреждения, а на истории университетского сообщества в Петербурге, выявить его специфические черты, реконструировать правовые и социальные рамки его существования, его связи с внешним миром. С точки зрения истории людей, а не институтов, в Петербурге со времен Академического университета XVIII в. можно зафиксировать научные, педагогические практики и социальные отношения безусловно университетского типа. Еще более ярко черты «университетской корпоративности» проявились в учебно-научных и социальных практиках Педагогического института, деятельность которого отражена в огромном массиве сохранившихся, к счастью, нормативных, делопроизводственных и др. документов.

Во-вторых, работа в течение нескольких лет в Российском государственном историческом архиве (РГИА), Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб) и в фондах Петербургского и других университетов, а также с материалами канцелярии попечителя Петербургского учебного округа позволила соотнести порядок управления, содержание деятельности, формы корпоративной жизни, систему внешних связей и пр., существовавшие в Педагогическом институте до 1819 г. — с практиками других российских университетов и сделать заключение об их сходстве. Не случайно порядок делопроизводства, и характер сохранившихся материалов по Педагогическому институту и другим университетам — сходны для рассматриваемого времени. О Педагогическом институте, который нередко в офици-

³ См. *Марголис Ю.Д. Тишкин Г.А.* Сколько лет Петербургскому-Ленинградскому университету // Ленинградский университет. 1983. 18 марта. С. 6; *Они же.* «Отечеству на пользу, а россиянам во славу» (Из истории университетского образования в Петербурге в XVIII-начале XIX в.) Л., 1988; *Они же.* «Единым вдохновением...»: Очерки истории университетского образования в Петербурге в XVIII-первой половине XIX вв. СПб., 2000; *Андреев А.Ю.* О начале университетского образования в Санкт-Петербурге // Отечественная история. 1998. № 5; 275 лет Санкт-Петербургский государственный университет. Летопись. 1724–1999. СПб., 1999; *Кулакова И.П.* Спор о первородстве: 275 лет Петербургскому университету? // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 3. С. 57–92; *Петров Ф.А.* Российские университеты в первой половине XIX в.: формирование системы университетского образования. Кн. 2. Ч. 3. М., 1999 и др. работы

альных и неофициальных документах также назывался университетом, отнюдь не в виде оговорки, представлены богатейшие материалы по истории управления и самоуправления, отношений между профессорами и студентами, научной, аттестационной, инспекторской, просветительской деятельности учебного заведения⁴. Особенности этих материалов оттеняют специфику Педагогического института, но не дают оснований противопоставлять его Петербургскому университету после 1819 г. или, например, Казанскому или Харьковскому университетам 1800–1810-х гг. История Педагогического института и комплекс источников, ее отражающий, до сих пор изучены поверхностно. Между тем именно эти источники отражают включенность Педагогического института в систему университетов империи, его тесное многоуровневое взаимодействие со всеми действующими университетами. С точки зрения документированной социальной истории, а также истории повседневности, оторвать историю Педагогического института от истории университета в Петербурге невозможно.

Наконец, в данной статье я распространяю термин «Петербургский университет» на период 1804 — 1819 гг. для удобства изложения. Надеюсь, читатель поймет из контекста, идет ли речь о Педагогическом институте или, собственно, об университете, юридически закрепившем в 1819 г. свой статус и название.

Проблему взаимоотношений петербургского университетского сообщества и города поставил еще Ю.Д. Марголис в начале 1990-х гг.⁵ В центре нашего внимания — переходный период истории Петербургского университета, который обрел правовой статус и название такового на полтора десятилетия позже Казанского и Харьковского. Однако социальные отношения, характеризующие университетскую среду, культурные практики и нормы корпорации начали формироваться здесь задолго до 1819 г. Значительное влияние на этот процесс имел уже опыт деятельности университета, существовавшего при Академии наук в XVIII в.⁶ Правда, этот университет, не будучи отделен от Академии, воспроизводил нормы и отношения, сложившиеся в замкнутой академической среде, но многие его питомцы (а это около полусотни молодых ученых) получили возможность завершить свою научную подготовку в европейских университетах и возвращались в Россию не только сложившимися специалистами, но и носителями университетской культуры.

Учительская семинария в Петербурге, существовавшая с 1783 г., хотя и готовила учителей для гимназий и народных училищ по специальной программе, была ближе к типу открытой высшей школы, чем Академический университет. На базе Учительской семинарии в 1804 г. был образован Педагогический институт как отделение университета. Не получив, подобно Московскому и другим университетам империи, собственного устава, декларирующего широкую автономию, Педагогический институт в 1804–1819 гг. тем не менее развивался в общем направлении, не случайно вопрос о его преобразовании

⁴ См.: Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733 (Департамент министерства народного просвещения). Оп. 1; 20; 40, 49, 56; 86; 87; 95 и др. Ф. 732 (Главное правление училищ) Оп. 1, 2. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 13 (Главный педагогический институт); Ф. 139 (Канцелярия попечителя С.-Петербургского учебного округа). Оп. 1.

⁵ Марголис Ю.Д. К истории Петербурга в XVIII в.: город и университет // Мавродинские чтения. Материалы к докладам. СПб., 1994. С. 146–149.

⁶ Марголис Ю.Д. Тишкин Г.А. “Отечеству на пользу, а россиянам во славу” (Из истории университетского образования в Петербурге в XVIII-начале XIX в.) Л., 1988.

в университет не сходил с повестки дня. Это было возможно благодаря включенности Института с самого начала в систему российских университетов, притоку иностранных профессоров, растущему интересу публики. В системе публичных отношений как Педагогический институт, так и, позднее, университет, обеспечивал чтение открытых курсов наук для чиновников с последующей выдачей аттестатов. Для вольнослушателей и сторонних лиц, успешно сдавших экзамены за курс университета, согласно указу 6 августа 1809 г., открывался путь карьерного роста. Таковых в чиновном Петербурге было значительно больше, чем в Москве и других университетских городах.

Постоянные и разнообразные контакты университета с учреждениями, институтами, людьми за пределами его территориальных границ были условием его деятельности. Не пытаясь исчерпать ряд социальных связей и отношений университета и университетов с городской средой, намечу лишь направления этих отношений, каждое из которых могло бы стать предметом углубленного исследования.

«ТЕРРИТОРИЯ УНИВЕРСИТЕТА»: АСПЕКТ ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ

Петербургский университет, в отличие от Казанского или Московского, долго не мог обрести постоянного места, соответствующего его статусу. Это был «перемещающийся» университет, вынужденный арендовать недостающие здания или тратить немалые штатные и иные суммы на перестройку, ремонт малоподходящих строений.

Если в Казани уже к 1823 г. университетское пространство университета стало организованным и единым благодаря перестройке архитектором П. Г. Пятницким основного здания, то для Петербургского университета «разбросанный», «периферийный» период существования затянулся. С момента помещения Педагогического института в здание Коллегий в 1804 г. он вел тяжбы с Сенатским архивом, Адмиралтейств-коллегией и другими учреждениями за расширение площади за счет «покоев», примыкающих к институтским. В то же время для института в перспективе его преобразования в университет приобретались здания, разбросанные в разных частях города.

В 1809–1818 гг. попечители столичного округа Н. Н. Новосильцев и С. С. Уваров активно подыскивали для университета готовый вместительный дом и параллельно обсуждали идею строительства обширного комплекса зданий в центре города на казенных землях⁷. С. С. Уваров осматривал дом барона Раля на Мойке с целью приобретения, но по каким-то причинам покупка не состоялась. Также обсуждался проект территориального соединения университета с Академией наук на Стрелке Васильевского острова. По крайней мере, в 1809 г. архитектору А. Д. Захарову было поручено составить проект соединения под одной крышей Кунсткамеры и главного корпуса Академии, построенного Кваренги. К проекту перестройки академических зданий был привлечен архитектор Руска, составивший смету построек на 600 тыс. руб. Однако план соединения университета в одном здании с Академией был оставлен, видимо, из-за недостатка средств для его осуществления.

После преобразования Педагогического института в Главный педагогический институт Уваров снова выступил с проектом его перемещения в центр города, на участок казенной земли между Инженерной и Итальянской улицами и Михайловской площа-

⁷ Столянский П. Н. К истории зданий С.-Петербургского университета // Материалы по истории С.-Петербургского университета. Т. 1. 1819–1835. Пг., 1919. С. СХII–СХIII.

дью. Однако в марте 1818 г. министр духовных дел и народного просвещения А. Н. Голицын сообщил Уварову о затруднениях, с которыми было связано получение этого участка, поскольку он являлся границей императорских садов.

Став попечителем, Д. П. Рунич также носился с идеей территориально «собрать» университет, только сделал ставку на вынесение зданий из центра, подальше от «соблазнов». При нем была произведена перестройка двухэтажного здания на углу Звенигородской и Кабинетской ул., купленного у купца Сыренкова с просторным участком, куда должен был переместиться впоследствии весь университет. Следующим этапом строительных авантюр, сделавших университет банкротом и стоивших Руничу репутации, была постройка здания для университетского Благородного пансиона на Ивановской улице. Огромные суммы, взятые университетом из Заемного банка (более 2 млн. руб.), в которых не смог отчитаться Строительный комитет, к 1826 г. были растрчены, однако застройка не была окончена. Еще в 1828 г. при поддержке нового министра народного просвещения К. А. Ливена было решено переместить университет из Коллегий на новое место. Но переезд затянулся, а 30 ноября 1830 г. последовал Высочайший указ о возвращении всего университета обратно в здание Коллегий. В марте 1833 г. под руководством архитектора А. Ф. Щедрина началась перестройка Коллегий, наконец-то по строгому плану, с размахом и видами на перспективу⁸. Перестройка закончилась в 1838 г., и университет торжественно отметил переезд в новое «старое» здание.

Организация единого «университетского пространства» на карте Петербурга произошла со значительными потерями во времени, по сравнению с другими университетами. Только к концу 1830-х гг. неудобство и теснота помещений, необходимость для профессоров и «вольных» студентов преодолевать огромные расстояния по дороге с квартир в учебные аудитории, остались в прошлом.

Изолированность Института и университета «внутри ограды» была условием его существования в 1800–1820-х гг., точно так же, как для Московского университета XVIII в. В инструкции эконому Педагогического института, данной Конференцией в 1804 г., говорилось: «Эконом распоряжается тем, чтобы внутри двора у ворот была стража в любое время непрерывно, для чего имеющиеся при институте 3 сторожа сменялись бы по очереди, чтобы «каждый в свое время ... караулил у ворот безотлучно и никого из студентов без директорского билета из ворот не выпускал, чтобы в вечернее время при начале сумерек калитка ворот была замкнута, а ключ от оной находился у караульного..., чтобы караульный в вечернее время обхаживал как большой, так и малый двор, смотрел за спокойствием и тишиной в доме и предостерегал всякую опасность от огня»⁹.

Однако говорить о полной «обособленности» университетского пространства в первые десятилетия XIX в. не приходится. В это время в университетском делопроизводстве мы нередко встречаем отражение конфликтов по поводу вторжения соседей (владельцев и арендаторов соседних участков) на территорию, которую университет считал своей, и наоборот, попытках чиновников изолировать институт, запертый во внутреннем дворе центральной части Коллегий, ограничив въезд на набережную. Так, зимой 1812 —

⁸ *Йогансен М. В.* История здания 12-ти коллегий во второй половине XVIII в. и первой половине XIX века // Очерки по истории Ленинградского университета. Т. Л., 1962. С. 184–199.

⁹ ЦГИА СПб. Ф. 13, Оп. 1, Д. 1: Об открытии Педагогического института. Л. 7–7 об.

1813 г., пока Педагогический институт находился в эвакуации в Петрозаводске, смотритель сенатских зданий (тогда ближайшая к Неве часть здания была занята архивом Сената и квартирами сенатских служителей) закрыл воротами въезд на набережную, чем осложнил сообщение Института с городом, выход студентов и профессоров, доставку продуктов и пр.¹⁰ В переписке попечителя и министра юстиции по этому поводу рисуется картина «беспокойного» окружения, в котором находился тогда Институт. В соседних коллегиях размещались сенатские служители с семьями — до 200 человек, пока ворота были открыты, во двор «заходили для переночевания бродяги, каковых двое в прошедшую осень пойманы и отосланы в полицию»¹¹. Директор Института Е. А. Энгельгардт предложил сделать отдельный въезд в институт с фасадной стороны, с лестницей на переднюю галерею. Но петербургский главнокомандующий не дал разрешения на строительство хотя бы временного крыльца «из легкого дерева».

Еще одна особенность пространственной локализации Петербургского университета заключается в архитектурном облике его зданий. Здания Московского, Харьковского, Казанского и Дерптского университетов строились специально для этих университетов, их архитектурные решения отражали концепцию презентации университета как «храма науки» и одновременно публичного здания. Не случайно, здания самого восточного Казанского и самого западного — Дерптского университета так похожи. В отличие от них, Петербургский университет получил здание, изначально предназначенное для других целей. Перестройка Коллегий придавала, насколько это было возможно, их внутреннему убранству и планировке вид, соответствующий назначению университета, но во внешнем восприятии этого ансамбля «идея университета» никак не выражена.

«ТЕРРИТОРИЯ УНИВЕРСИТЕТА»: АСПЕКТ СОЦИАЛЬНЫЙ

Пространство «людей университета» как социальное пространство шире территории, замкнутой внутри университетских дворов и зданий. Оно подразумевает не только ареал расселения чиновников и студентов университета в городе, маршруты их перемещений, но и совокупность отношений между универсантами и жителями города, сеть связей между университетом и городскими учреждениями. Связи эти выстраивались на различных уровнях: экономическом, бюрократическом, общественном.

Пространство существования университета как сообщества людей формируется во взаимодействии универсанта и городского жителя, носителя иной модели социального поведения, иного культурного кода. Столичная городская среда, условно говоря, делилась на некие зоны взаимодействия: в одних зонах социальные отношения универсанта строились как прочные и лояльные с обеих сторон, в других — появление университетского человека было редким и порождало скрытые или явные конфликты.

В Петербурге, как и в других университетских городах, универсанта был на виду, поскольку его социальный статус был маркирован мундиром ведомства — МНП (Министерства народного просвещения). В первые десятилетия XIX в. профессора хоть

¹⁰ Там же, Ф. 139, Оп. 1, Д. 942: О запрещении коллежским советником Габбе проезда через двор Сенатского ведомства и о позволении в таком случае сделать особый въезд во двор институтский.

¹¹ Там же, Л. 3

и не обязаны были носить мундир, но его получили¹². Мундир первоначально был темно-синего цвета, каждому университету был дан свой цвет ворота и обшлагов. Петербургские профессора и студенты имели красный ворот, обшлага и клапаны, на которых профессора имели золотое шитье; адъюнкты, учителя и студенты шитья не имели¹³. И хотя студенческий сюртук или фрак (для выхода и торжественных случаев) в 1800–1810-х гг. шился из дешевой ткани и выглядел неважно¹⁴, казенным студентам было запрещено не только носить, но и приобретать «штатскую одежду»¹⁵. Увольняться «со двора» Института они должны были в студенческом мундире. С 1826 г. обязательное ношение мундира, его покрой, вид и качество строго регламентировались, а отступления от формы наказывались как тяжкий проступок.

В то же время, причисленный к государственным чиновникам, универсант не принадлежал ни к одной из господствующих культур (военно-дворянской, сановно-придворной, бюрократической, общественно-литературной), его положение в первой трети XIX в. оставалось неопределенным, периферийным, а значит, социально малозначимым.

Что касается расселения универсантов, то до начала 1820-х гг. студенты (казенно-коштные) и большинство профессоров проживали компактно в зданиях университета, либо в ближайших кварталах. Расселение же своекоштных студентов, которые стали стремительно прибывать во второй половине 1820-х — начале 1830-х гг., происходило по всему городу — от Васильевского острова — до Песков и Коломны. Выбор квартиры определялся ее дешевизной, а такое жилье можно было найти в любом конце города, кроме центральной части. Некоторые студенты селились у родственников. Так или иначе, в Петербурге не сложилось подобия *cartier latin*, который предусматривали еще в XVIII в. проекты реформирования Московского университета¹⁶.

Расстояния от квартир до аудиторий были немалыми и преодолевались студентами, за исключением немногих «аристократов», пешком. Профессора брали дешевого извозчика, сведений о собственных профессорских экипажах не встречается.

Места обычных студенческих «загулов» за границами университета были более или менее постоянны. Это были самые дешевые трактиры, где студентов кормили и поили в долг. В Москве 1820-х гг. это был трактир «Великобритания»,¹⁷ в Петербурге такими демократичными заведениями были различные «залы» в *Загубенном переулке*. Название переулка исчезло в 1860-х гг. и обозначало нынешние Двинский, Кубанский, Тучков и Волховский переулки — кратчайший зигзагообразный маршрут от 1-й линии к зданию университета, который существует и сегодня.

Петербургские студенты 20–30-х гг. XIX в. посещали также кондитерскую Кинша на углу Большого проспекта и 1-й линии, где был бильярд. Популярными у студентов

¹² Там же, Ф. 13, Оп. 1, Д. 173

¹³ О мундире для СПб. учебного округа // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1: 1802–1825. СПб., 1864. Штаты и приложения. Ст. 22.

¹⁴ Платье определялось казенным студентам на все время обучения: «на три года — сюртук синий один, на два года — фрак синий один, жилетов два, из коих один выдать для носки, а другой сберегать в магазейне до другого году...» — ЦГИА СПб, Ф. 13, Оп. 1. Д. 1, Л. 21.

¹⁵ Там же, Ф. 13, Оп. 1, Д. 379

¹⁶ Кулакова И. П. Университетское пространство... С. 179–197.

¹⁷ Мурзакевич Н. Н. В Московском университете. 1825. // Московский университет в воспоминаниях современников... М., 1989. С. 92–93.

ресторациями Васильевского острова были кухмистерская «Лондон» и заведение Гейде, оба на 7-й линии, ресторан Тиханова на набережной напротив Николаевского моста. В этих «точках» студентам наливали в долг. По положению можно было доводить долг до 10 руб. асс., эту сумму университетское правление готово было погасить по требованию кредиторов в случае финансовой несостоятельности студента. У Гейде, например, студенты «за рубль ассигнациями получали порядочный обед и опивались скверным пивом»¹⁸. Вход в рестораны был платным, даже если студенты ничего не собирались заказывать, но в Загибенном переулке эти суммы были символическими. Своекостные студенты 1830-х гг. ходили играть на Биржу, расположенную рядом с университетом¹⁹.

Если и можно обнаружить в какой-то части города прообраз так и не развившегося Латинского квартала, то это территория Васильевского острова между 7-й линией и Стрелкой. На этом пространстве чаще всего селились в наемных квартирах студенты и профессора, если последние не имели возможности получить жилье в университетских зданиях. Однако чтобы называться «пространством университета» этому участку не хватало «плотности заполнения». Эта невыгодная для университета позиция сохранилась и во второй половине XIX, и в XX в.

В летнее время студенты часто выезжали компанией из трех-четырёх человек за город, катались на лодках или просто гуляли. Состоятельные студенты могли позволить себе снять на летнее время дачу. По воспоминаниям В. Б. Бланка, своекоштного студента Петербургского университета, он позволял себе эту «роскошь» каждое лето. К нему на дачу приезжало много друзей и знакомых. «Живя довольно шумно, мы веселились, ложась не ранее 3–4 часов», — писал мемуарист²⁰.

По традиции для окончивших студентов на средства младших курсов устраивались пирушки, сопровождавшиеся обильными возлияниями. Вот описание одного из таких празднеств, оставленное студентом Петербургского университета Н. И. Иваницким: «Все студенты первых трех курсов сложились по 10 рублей, выбрали место на берегу озера, накупили вина и приготовили кутеж. Каждый должен был приезжать туда со своей трубкой и табаком. На празднике было всего человек до сорока: пили, ели, дурачились и прочее почти до утра»²¹. Традиция «отдыха на природе» была популярна у немецких студентов, а также в Дерптском университете, студенты которого летом устраивали общую пирушку за городом на средства вновь поступивших. Начальство Дерптского университета не пыталось запретить традиционные увеселения, в 1822 г. оно лишь попыталось сократить их размах и ввело ограничение на размер взноса, собираемого на организацию студенческих праздников. Взнос отныне не должен был превышать десяти рублей²².

Об интенсивности «экономических» отношений университета, городских служб и обывателей можно судить на основании проходящих ежемесячно через Хозяйственный комитет Педагогического института, позже через Правление университета,

¹⁸ Дондуков-Корсаков А. М. Мои воспоминания // Старина и новизна. 1902. № 5. С. 172.

¹⁹ Оже де Ранкур Н. Ф. В двух университетах. Воспоминания. 1837–1843 // Русская старина. 1896. Т. 86. С. 572.

²⁰ Бланк В. Б. Воспоминания // Русский архив. 1897. Т. 3. № 10. С. 178.

²¹ Иваницкий Н. И. Автобиография. // Русский архив. 1909. Кн. 3. № 10. С. 148.

²² РГИА. Ф. 733, Оп.56, Д. 326: О студенческих праздниках.

дел о покупках самых разнообразных вещей у частных торговцев, о заключении контрактов на поставки, о найме поваров, прачек, сапожников; финансовых исках и пр. Возникают дела по поводу частных долгов преподавателей и студентов. Основным источником долгов было, по-видимому, ростовщичество. Студенты и преподаватели закладывали вещи, в том числе казенные. Встречаются дела о возвращении костюма казенного студента (проданного или заложенного), краже книг из библиотеки, серебряных ложек из столовой. Правление университета рассматривало иски по долгам умерших студентов, которые университет возвращал. Университетское законодательство и делопроизводство обнаруживают, что частные экономические отношения университета становились отношениями университета в соответствии с традициями корпорации.

Отношения горожан и студентов в первые десятилетия XIX в. кажутся относительно «бесконфликтными», поскольку университетское законодательство еще только оформлялось и поначалу не предусматривало жесткой регламентации, полицейского надзора и дисциплинарных взысканий, какие утвердились в николаевское время. В 1811 г. издается положение, ограничивающее прием в университеты лиц из податных сословий, а также закон, вводящий отдачу студентов в солдаты в виде наказания за неповиновение, пьянство, воровство и «буйство», более жесткий инспекторский контроль над ними. Как следствие — растет число исключений с «отдачей в солдаты». Это происходит в либеральные времена Александра I, что свидетельствует о том, что «писаная автономия» университетов почти с самого начала корректировалась обычной для полицейского государства практикой, а также социальной неполноправностью студентов, составляющих «тело» университета. Поэтому, кстати, не правы те исследователи, которые считают уставы 1804 г. «провальными» изначально, в силу их архаики²³. Некоторые положения этих уставов, выражающие идею автономии, не находят отражения в практиках российских университетов. Для формирования этих практик нужно было время, при этом текущее университетское законодательство «писаную автономию» постоянно подрывало. Примеров же частных постановлений и распоряжений, противоречащих духу и букве либеральных уставов, притом в точности исполняемых, — множество. Так что «списанные с германских образцов», уставы 1803 — 1804 гг. на протяжении своего существования оставались в значительной своей части декларациями, не соответствовавшими социальной миссии российского университета и его статусу в системе государственных учреждений. Осознание этого диктовало руководителям просвещения необходимость корректировки уставов, что и происходит почти одновременно, в 1818–1819 гг. в отношении Виленского и Дерптского университетов. Для Петербургского университета в 1819–1823 гг. готовился устав, учитывающий недостатки предыдущих, который так и не был утвержден.

«ГОРИЗОНТАЛЬНЫЕ СВЯЗИ» УНИВЕРСИТЕТА С НАУЧНЫМИ И УЧЕБНЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ ГОРОДА

Связи университета с Петербургской гимназией (в 1830-х гг. в городе было уже три гимназии), Академией наук, Царскосельским лицеем, военно-учебными заведениями,

²³ *Андреев А. Ю.* Александр I и профессор Г. Ф. Паррот: к истории возникновения «университетской автономии» в России // Отечественная история. 2006. № 6. С. 19 — 30

Медико-хирургической академией, Духовной Академией, городскими училищами, в том числе воспитательными и благотворительными, были постоянны и разносторонни. Они распространялись в сферу кадрового обмена, контроля за преподаванием, участия в «испытаниях» и торжествах друг друга, не обошли и экономическую сферу. Так, Педагогический институт брал взаймы суммы у Петербургской гимназии²⁴, вел постоянные денежные расчеты с Академией наук за публикацию объявлений в «С.-Петербургских ведомостях», типографские работы (печатание книг профессоров, а также объявлений о публичных курсах, приглашений на университетские экзамены и торжества осуществлялось Академической типографией), по упрощенной схеме принимал в студенты академических «пансионеров» гимназии.

Постоянный сюжет университетского делопроизводства — кадровые миграции. Встречаются переходы студентов в Академию наук на положение воспитанников («элев»). Термин «элев», обозначавший старших учеников «Академического всеучилища» 1780–1790-х гг.²⁵, встречается в документах о переводах и 1815 г., и в 1821 г., т. е. в то время, когда статус академических воспитанников был изменен, и они считались чином выше университетского студента. Это говорит о сопоставимости уровня преподавания наук при Академии и в Педагогическом институте, о прочных «горизонтальных» связях этих учреждений²⁶. С другой стороны, «воспитанниками Академии» называли и академических пансионеров, учившихся в Петербургской городской гимназии (бывшей Академической), которые потом поступали в Педагогический институт²⁷. Среди них были и дети профессоров Института. Не забудем, что среди профессоров первого поколения были воспитанники «Академического всеучилища» (М. Е. Резанов); профессор К. Ф. Герман параллельно службе в Институте числился по Академии наук сначала адъюнктом, а с 1810 г. — экстраординарным академиком. Экстраординарным академиком был и профессор химии А. И. Шерер.

Выпускники Педагогического института имели возможность «по способностям и желанию» занять вакансии «воспитанников» Академии наук после всестороннего «испытания». В 1811 г. два студента Института так и поступили, когда Конференция Академии наук объявила о вакансиях по части анатомии и физиологии. Препятствием для их перехода в Академию не стало и то, что в Институте преподавание естественных наук осуществлялось недифференцированно, не было анатомического театра, а значит, возможности приобрести практические навыки. Конференция Академии наук решила, что недостающие навыки в практической анатомии и физиологии они приобретут, занимаясь при Медико-хирургической академии²⁸. Есть все основания

²⁴ ЦГИА СПб. Ф. 13, Оп. 1. Д. 609

²⁵ См.: Марголис Ю. Д. Тишкин Г. А. «Отечеству на пользу, а россиянам во славу» ... С. 170–172

²⁶ См.: ЦГИА СПб, Ф. 13, Оп. 1, Д. 348, 356, 802; Ф. 139. Оп. 1, Д. 1297, 2564. Это служит дополнительным аргументом, опровергающим искусственный тезис о «преемственности» образовательных учреждений при Академии наук и Петербургского университета XIX века. Для 1800–1810-х гг. характерно параллельное их существование и взаимодействие. Очевидно, что проблема «преемственности» спровоцирована пресловутым «спором о первородстве», между тем как в истории европейских университетов ее просто не существует.

²⁷ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 999, 1280, 1287, 1902.

²⁸ ЦГИА СПб, Ф. 13. Оп. 1, Д. 802.

рассматривать положение «элева-воспитанника» Академии наук как аналог подготовки к адъюнктскому званию. Не случайно воспитанникам Академии присваивался чин IX класса, подобно университетским магистрам²⁹.

Встречаются прямые миграции между Институтом и Медико-хирургической академией, куда студенты, увлекшиеся естественными науками, уходили посередине курса. И наоборот, некоторые воспитанники МХА изъявляли желание перейти в Институт³⁰.

Естественными были студенческие миграции из университета в университет. Таких переводов из Казани, Москвы, Дерпта — в Петербург, и наоборот фиксируется немало уже в 1810-х гг. Это свидетельствует об однотипности программы и уровня обучения, т. е. о том, что, не имея статуса университета, Педагогический институт в Петербурге воспринимался как университет, причем в силу своего столичного положения как место более престижное, чем университеты Харьковский или Казанский. Студенты же, окончившие Педагогический институт, получившие и даже еще не получившие магистерство, отправлялись на вакантные кафедры в Харьковский или Казанский университет в качестве адъюнктов и вскоре становились экстраординарными профессорами. Так П. С. Сергеев, закончивший Петербургский университет в 1820 г., готовился продолжить образование за границей, но вынужден был проходить магистратуру дома. В следующем году он принимает предложение отправиться в Казань, а в 1825 г. уже числится ординарным профессором философии права Казанского университета³¹.

Для профессоров и адъюнктов Института и университета обычным было совместительство в Лицее, гимназии, военно-учебных заведениях, Публичной библиотеке и т. д.³². Совмещали преподавание в университете с другой службой почти все профессора, только в 1826 г. совместительство было поставлено под строгий контроль, дабы оно не нанесло вреда качеству обучения в университете.

«ЭКОНОМИКА УНИВЕРСИТЕТА» КАК ЧАСТЬ «ЭКОНОМИКИ ГОРОДА»

В финансово-хозяйственные отношения университета ежедневно вовлекались подрядчики, кредиторы (частные и государственные банки). Из частных кредиторов в 1800–1810-х гг. Педагогический институт сотрудничал с банкиром Ралем, через которого перечислялись, например, суммы на содержание стипендиатов за границей. В 1807–1812 гг. инфляция и нетвердость европейских валют создавали большие риски при переводе денег. Механизм разовой посылки из штатных сумм не годился, т. к. только на переписку о получении этой суммы из казначейства уходило до нескольких месяцев. Видимо, барон Раль, имея филиалы в европейских городах, по договору с Институтом давал деньги в кредит. Стипендиаты знали, сколько и на что они могут потратить, но, как правило, превышали отведенное каждому содержание. К моменту

²⁹ Сб. постановлений... Т. 1. Ст. 636.

³⁰ Там же, Д. 1676, 1673.

³¹ Там же, Ф. 14. Оп. 1. Д. 139, 242.

³² Официальное разрешение профессорам преподавать в двух и более местах было дано в 1817 г., поскольку прежние попытки ограничить получение двух окладов наталкивались на невозможность даже в столице заполнить вакансии в существующих учебных заведениях. См.: Сб. постановлений... Т. 1. Ст. 875–878.

возвращения в Россию в 1811 г. студенты А. П. Куницын, М. Г. Плисов, Н. К. Воронковский и др. значительно «вышли из сметы» и рассчитывались с Институтом, еще в течение нескольких лет, уже заняв места преподавателей. Долг вычитался из их жалования.

Свободные средства Институт, а впоследствии университет держал в Заемном банке.

Контакты университета с предпринимателями, подрядчиками, мастеровыми были чуть ли не ежедневными — по поводу поставки продуктов на кухню, мытья белья, «постройки» мундиров и сапог, очищения «нужных мест», ремонта помещений, принятия разного рода пожертвований и пр.

Подряды университета — довольно содержательная область отношений с городскими купцами (поставщиками дров, муки, мяса, сукна и др. товаров), мастерами (переплетчиками, краснодеревщиками), строительными рабочими. Подрядчиками выступали и крестьяне Петербургской губернии. Многие подряды были долгосрочными, одни и те же фамилии подрядчиков проходят по книгам Хозяйственного комитета в течение нескольких лет. Эти отношения были взаимовыгодными, причем особо добросовестные подрядчики университета могли надеяться и на правительственную награду. Так, в 1811 г. Институт ходатайствовал перед попечителем о поощрении купца Клементьева, за поставку особо качественных дров по низкой цене³³.

Как заключались и выполнялись подряды? Механизм этих отношений можно раскрыть на примере подряда на изготовление шкафов для институтской библиотеки и «комодов» для музея, который был заключен Конференцией в 1807 г. со столярами-краснодеревщиками. В «Ведомостях» было помещено объявление о заказе (за которое было отдельно перечислено в Комитет правления Академии наук 2 р. 70 к.). Поскольку на объявление откликнулись сразу несколько мастеров, Конференция, располагая суммой в 2 тыс. руб., определенной из неизрасходованных статей штата на лабораторию и лаборанта, 30 марта 1807 г. устроила торги, организация которых была поручена профессорам Кукольнику, Теряеву и Резанову. Расчеты стоимости каждого шкафа были произведены немецким мастером Шелиным, он же предложил образцы «приборов» (фурнитуры) и замков к шкафам.

Мастера, собравшиеся на торги, объявили суммы, которые соглашались «уступить» из предлагавшихся 2 тыс. Лучшие условия предложили столяры Афанасий Исаков (Исаев) и «охтянин» (т. е. охтенский крестьянин. — Т. Ж.) Семен Егоров, уступившие 60 руб., и готовые сделать работу в 3 мес., к началу выпускных экзаменов в Институте. 20 книжных шкафов и 30 «минеральных комодов» из ольхового и соснового дерева, изготовленные из собственного материала мастеров, были сделаны по чертежам, выполненным учителем рисования М. Ф. Берлинским и одобренным Конференцией. В архивном деле сохранилось письменное обязательство мастеров, на гербовой бумаге, с подробным описанием заказа, сроков изготовления, с записями о получении вознаграждения по частям. Вместо неграмотного Исаева подписывался его напарник. Шкафы были изготовлены в срок, с передачей денег за работу возникла, правда, некоторая задержка³⁴.

³³ ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1013

³⁴ Там же. Д. 159: О заготовлении шкафов для библиотеки Института.

АДМИНИСТРАТИВНО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ СВЯЗИ С ГОРОДСКИМИ ВЛАСТЯМИ И УЧРЕЖДЕНИЯМИ.

Постоянные и тесные финансовые и бюрократические отношения связывали университет с Городской думой. Это были контакты по поводу освещения и мощения улиц вокруг университета, благоустройства прилегающей территории, санитарного и противопожарного состояния университетских построек и дворов.

Взаимодействие с учреждениями, находящимися в ведении города, можно показать на примере отношений Педагогического института и Обуховской градской больницы, куда отправляли больных студентов на лечение. Институт, а позднее университет, вел расчеты за это лечение с Городской думой через Государственное казначейство. На «госпиталь», т. е. систему стационарного лечения чиновники университета с 1812 г. должны были отчислять из жалования по 1 коп. с рубля, но этого было недостаточно³⁵. В самом же Институте имелся только лазарет, где за больными присматривал штаб-лекарь. В течение почти 20 лет эту должность занимал П. Х. Капгер. Отсутствие медицинского факультета и университетской клиники затрудняло наблюдение за здоровьем студентов и их лечение. Сырые и душные комнаты, отсутствие физической активности, усиленный режим занятий, — все это объясняет небывало высокую смертность студентов Педагогического института. Только за 1804–1809 г. умерло 8, отчислено «по неизлечимой болезни» трое студентов. Как правило, причина смерти — чахотка или брюшной тиф. Обычный недельный рапорт смотрителя (инспектора): «... Все было благополучно, только студент Левицкий занемог и отправлен в Обуховскую градскую больницу, а студент Новицкий сегодня в 6 часу пополудни скончался в доме института»³⁶.

Студенты болели чесоткой, гастритом, простужались от непривычки к сырому петербургскому климату. Некоторые болезни точно не определялись. В своем рапорте от 6 января 1807 г. смотритель 2-го отделения А. С. Лубкин пишет: «Больных оказалось чесоткою 5, головною болью — 2, всего 7»³⁷. Многие студенты первых наборов были уроженцами малороссийских и западных губерний, климат Петербурга, помноженный на спартанские условия быта и чрезмерные нагрузки для них-то и оказывался роковым. 4 февраля 1806 г. в своем рапорте смотритель 1-го отделения Института проф. М. Е. Резанов пишет о том, что «на прошедшей неделе студенты Патакинский и Рясский по причине их болезни отправлены в Градскую больницу»³⁸. Смотритель регулярно навещал больных студентов. На заседании 7 апреля того же года Конференция заслушала рапорт Резанова, который, посетив студентов в Градской больнице, не обнаружил за ними должного ухода. Студенты, как сказано в рапорте, «просили ... наипубличнейше представить Конференции, дабы она благоволила исходатайствовать, у кого следует, предписание находящимся при оной больнице медицинским чинам, чтоб они пользовали их, студентов, тщательнее»³⁹. Меры, очевидно, были приняты, так как Конференция направила об этом запрос попечителю, однако, они в данном случае запоздали: 11 апреля «в среду

³⁵ Там же. Ф. 139. Оп. 1.. Д. 806.

³⁶ Там же. Д. 123. Л. 28.

³⁷ Там же. Д. 286: Отчеты смотрителя 2-го отделения. Л. 2.

³⁸ Там же. Л. 1.

³⁹ Там же. Д. 128. Л. 1.

в 8-м часу студент Потакинский в Обуховской градской больнице от удручавшей его около полутора года болезни умер». На следующий день, 12 числа он был погребен на Смоленском кладбище. Похороны Потакинского были не первой траурной церемонией в Институте и представляли уже закрепившийся ритуал: «Провожали тело его все студенты вместе с некоторыми профессорами, над гробом говоренные были студентами Язвицким, Сфериным и Александровским на русском и греческом языках речи»⁴⁰. В какой части кладбища находились могилы казеннокоштных студентов, не установлено.

Высокая заболеваемость и смертность студентов беспокоили Конференцию, вскоре Институт заключил соглашение с Медико-Хирургической академией (МХА) о помещении заболевших студентов и чиновников в клинику МХА. Усиление контроля за физическим состоянием студентов выразилось и в том, что их стали «своевременно» увольнять за слабостью здоровья или отправляли к родственникам «на излечение» в бессрочный отпуск. Однако и в 1810–1820-х гг. в университетском делопроизводстве встречаются записи о смерти студентов, причем об этих случаях информировался не только попечитель округа, но и министр.

В 1830–40-х гг. смерти студентов также случаются, но, в основном, вызываются чрезвычайными обстоятельствами (несчастный случай, самоубийство). В конце 1840-х гг. студенчество охватила первая «волна» самоубийств⁴¹, имеющая, видимо, чисто социальные причины: бедность, невозможность погасить долги, отсутствие или внезапное лишение содержания. Это понятно на фоне тогдашней политики Николая I в университетском вопросе, выразившейся в повышении платы за обучение, сокращении количества казенных стипендий, усилении учебного, полицейского и нравственного надзора. В фондах Министерства народного просвещения (РГИА. Ф. 735: Канцелярия министра) истории о самоубийствах, кстати, проходят через специальный, секретный отдел.

ОТНОШЕНИЯ С ОБЫВАТЕЛЯМИ И ГОРОДСКОЙ ПОЛИЦИЕЙ

«Социальное пространство» может быть описано только через социальные отношения. Отношение жителей города к студентам в рассматриваемый период не могло быть дружественным, в их глазах это были «бурсаки»: умные, дерзкие, вороватые и много о себе понимающие юноши с претензиями на «благородство».

На Васильевском острове происходила «маленькая война» студентов с местными немцами-мастеровыми. Мемуарист сообщает как об обычном, повторяющемся событии, о том, что студенты ходили на 27-ю линию «кататься с ледовых гор одного из Шустерклубов, при этом «били немцев, сидя на их спинах, спускались с гор» и вообще производили на Васильевском острове всевозможные шалости⁴².

⁴⁰ Там же. Ф. 13. Оп. 1. Д. 130. Л. 1

⁴¹ Настоящие «эпидемии» самоубийств учащейся молодежи приходится на 1860–80-е и 1900-е гг. и связываются с модой, культурным влиянием декадентства, эксплуатацией этой темы в печати, психологической зависимостью от литературных образов. См.: *Паперно И.* Самоубийство как культурный институт. М., НЛЮ. 1999

⁴² *Устрялов Ф. Н.* Воспоминания о Петербургском университете в 1852–1856 гг. // Исторический вестник. 1884. Т. 17. № 7. С. 131

Вечером студенты отправлялись на Невский проспект искать приключений. В 1830-е гг., по оценкам мемуаристов, шутки были еще невинные. Например, праздную Рождество, останавливали мужчину, ехавшего на лошади и начинали его поздравлять. В 1850-е гг. студенты «...то, идя пьяною ватагою по Николаевскому мосту, сбивали и бросали в Неву с прохожих шапки, то перевешивали вывески магазинов, то залезали в колодцы и пугали подъезжающих лошадей, неожиданно вскакивая и осаждая их за узду назад, то выходили на балконы плясать в костюме Адама, то забирались на чужие свадьбы, пользуясь тем, что на свадьбах обыкновенно гости со стороны жениха не знакомы с гостями со стороны невесты и т. п.»⁴³

Конфликты между студентами и жителями имели место во всех университетских городах, привлекали к себе внимание не только обычной, но и политической полиции. Они происходили оттого, что жители защищали «территорию», а студенты отстаивали право вести себя согласно собственной традиции и требовали уважения к своему «благородному» званию». Миф о «благородстве» поддерживался многими университетскими практиками и самим фактом соотношения степеней студента, кандидата, магистра с классными чинами. Этот миф питал не только профессоров, но и студентов с самого момента поступления. Он отчасти объясняет неоправданные «вольности» казенных студентов, допускаемые не только в отношении горожан, «подлых» служителей института, эконома, кухарки, но даже в отношении профессоров.

Избиение студентов городской молодежью и их преследование полицией должно было быть естественным ответом на студенческие «буйства». Случались «шалости» и полууголовные, о которых мемуаристы по понятным мотивам не упоминают. Вообще авторы воспоминаний об университете заметно идеализируют свои «подвиги», которые выглядели совершенно иначе в рапортах университетского начальства и в глазах обывателей. Вот типичное для 1800 — 1810-х гг. дело о «преступлении» и «наказании» студента Румского. Его проступок состоял в том, что сначала он назвал эконому, «содержащему двор в чистоте», привел в университет собаку и «сбросил ее с верхней галереи на двор, ...где она в ту же минуту околела», а на следующий день пытался «изнасильничать» девку, служанку эконома, вытащив ее через окно «экономовой» квартиры. При этом он не только не признал себя виновным, но угрожал смотрителю — проф. М. Е. Резанову, и говорил с ним как с равным. Только многодневное заключение в карцере и угроза отсылки в военную службу привели Румского в «разум». Он изъявил совершенное раскаяние и был оставлен в университете с разрешения попечителя⁴⁴. Приходится удивляться долготерпению профессоров, назначенных смотрителями, которое объясняется главным образом недостатком у них законных средств воздействия на казенных студентов.

В «Инструкции смотрителю при Санкт-Петербургском Педагогическом институте» (1804), о весьма мягком, исключая физическое воздействие на нарушителей порядка, увещевании говорилось: «Имея бдительный надзор за поступками и поведением студентов, смотритель при всяком случае *увещает* их к кротости и благонравию. В случае же ослушания, не порядка и резвости доносит директору, которого благоразумию

⁴³ *Чебыкина Н. В.* Быт студенчества Санкт-Петербургского университета в дореформенный период // *Очерки по истории С.-Петербургского университета.* Вып. 9. СПб., 2000. С. 117.

⁴⁴ ЦГИА СПб, Ф. 13. Д. 150.

предоставляется употребить меры, приличные *благородному воспитанию*». Столь двусмысленные выражения, включенные, возможно, попечителем Н.Н.Новосильцевым, который участвовал в редактировании подобных документов, происходят от пропитывающего правительственные акты того времени, но не имеющего точных очертаний «духа просветительства». Сами эти акты обещали вполне конкретное социальное возвышение университетскому человеку (для студента — отложенное до успешного окончания университета). Положения законодательства об исключении негодных студентов долго не имели широкого применения в силу того, что исключенные казеннокоштные студенты подверглись бы в этом случае полной десоциализации. Будучи в большинстве своем выходцами из духовного сословия, выпав однажды из своей социальной ниши, они уже не могли в нее вернуться и оказывались маргиналами. Исключенные из духовного звания вообще не могли быть определены в службу иначе как по специальному постановлению Сената. Впрочем, среди казенных студентов были и выходцы из званий, положенных в подушной оклад (мещане, казенные и даже владельческие крестьяне), получающие полное освобождение только с окончанием университета — и также по особому положению⁴⁵. Будучи исключенными, они должны были бы возвращаться в состояние несвободных. В силу мягкости и обтекаемости общеуниверситетского законодательства начала XIX в., администрации приходилось на свой страх возвращать «зарвавшихся» воспитанников в законное, «переходное» состояние угрозой порки, или исключения, а значит — подрывать тот образ «благородного члена ученого сословия», который им внушался. Документы свидетельствуют о применении телесных наказаний, назначаемых администрацией университета в качестве «домашнего» средства исправления. Закон, исключивший телесные наказания, но предложивший определение нарушителей в военную службу был принят в 1811 г. Надо при этом представлять, что это не «отдача в солдаты», применявшаяся согласно «Временным правилам...» 1899 г. а перевод «вольноопределяющимися» в армейские полки, не исключавший получения через определенный срок офицерского звания. Даже при Николае I допускалось возвращение исключенных обратно в университет, если мотивом их исключения не была политическая неблагонадежность.

«Буйное» поведение студентов того времени выглядело вызовом общественной нравственности. Студенты Педагогического института Беликов и Розанов, отлучившись со двора Института без билета, и отправившись в гости к приятелю — офицеру Егерского полка, в пьяном виде, оскорбили жену другого офицера-немца, сорвали с нее платок, избили мужа и все вместе очутились на съезжей⁴⁶.

Похожий случай произошел с московскими студентами в 1826 г., которые оскорбили на прогулке в Александровском саду женщину из хорошего общества. Конфликт закончился исключением виновников и дал повод к изданию особого постановления министра народного просвещения об устроении надзора за нравственностью студентов во время их увольнений в город⁴⁷.

⁴⁵ Сб. постановлений... Т. 1. Ст. 685–686

⁴⁶ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 739 (1812). В виде наказания Розанов и Беликов были отосланы «на исправление» в Олонецкую гимназию, но оставались на полном содержании института. Однако и через год они оказались неспособны исправлять учительскую должность.

⁴⁷ Сб. постановлений... Т. 2. Ч. 1. СПб., 1867. Стлб. 63–64.

Университетское начальство, со своей стороны, сознательно «сглаживало» в рапортах изложение «буйств» своих питомцев. Казанский инспектор студентов Франц Ксаверий Броннер в своем дневнике 17 мая 1816 г. зафиксировал один такой «казус»: «Проф. Солнцев жаловался в Совете на то, что студенты ходят по городу в пьяном виде, что полиция забирает их и т. д. На предложение назвать кого-либо из этих студентов проф. Солнцев не ответил»⁴⁸. То же стремление защитить студентов перед городской полицией и даже училищным начальством находим у петербургских профессоров.

В 1806 г. хронического пьяницу Григория Соловьева удалось исключить из Педагогического института с отправкой в военную службу, когда законодательно такой выход еще не был закреплен. Описание «падения» студента Соловьева в рапортах инспектора весьма красноречиво: «Соловьев наш найден полицейскими на Выборгской стороне мертвецки пьяный, босой и весь в грязи, и отведен ими в Управу благочиния, где он под именем какого-то школьника и ночевал, на другой день представлен был под тем же именем вместе с колодниками, не имев образа человеческого». Петербургский полицмейстер Ф. Ф. Эртель распорядился «выслать его тотчас же из города, для чего и билет был ему уже написан», но по выяснении, что задержанный — студент Института и пользуется правом неподсудности обычной полиции, это дело было переправлено университетскому начальству. Соловьев «от содержания его чрез целую неделю в уединенном покое на хлебе и воде хотя с начала на несколько времени и исправился было, но после опять настолько ослабел, что редкий стал проходить день, в который бы он не напивался до безобразия»⁴⁹. Поскольку для науки от такого студента проку не было, Конференция 19 декабря 1806 г. обратилась к попечителю с предложением, «не благоудно ли будет отдать его в военную службу»⁵⁰. Попечитель направил это предложение министру, который дал указание Конференции «за нетрезвое и развратное поведение» Соловьева «отослать немедленно за присмотром в Департамент министра военных и сухопутных сил».

Более серьезные истории разыгрывались при внимании к университету со стороны политической полиции. Разумеется, ее «всевидящее око» неустанно наблюдало за малейшими признаками превращения корпоративных организаций студентов в «тайные общества», имеющие «цель политическую». Тем не менее, в фондах политической полиции почти не встречается дел о «тайных обществах», фигурантами которых были бы «люди университета», что можно объяснить если не правовым иммунитетом корпорации, который в условиях Петербурга или Киева был недостижимой мечтой, то представлением об особом положении университетского человека. В 1820–30-х гг. разбор историй о студенческих обществах чаще всего не выходил далее канцелярии министра просвещения.

Так, в Петербургском университете в центре внимания оказались студенческие корпорации, созданные по примеру корпораций Дерптского университета. Несмотря на признание того, что единственный вред таких сообществ состоял в таинственнос-

⁴⁸ Профессор Франц Ксаверий Броннер, его дневник и переписка. Подг. Д. Нагуевским. Казань, 1902. С. 142.

⁴⁹ ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 147: Об отдаче в солдаты студента Соловьева за пьянство. Л. 5 об. — 6.

⁵⁰ Там же. Л. 8.

ти самого их существования, Николай I предписал министру народного просвещения С. С. Уварову решить это дело «домашним образом и без огласки»⁵¹. Надо заметить, что и легальные, и полуконспиративные общества учащейся молодежи были не только продолжением профессиональной деятельности, формой культурного досуга, но и способом общения друзей-единомышленников, моделью социальных связей⁵². Популярность «терпимой конспирации» в студенческой среде, по крайней мере, до 1825 г. не могла быть существенно меньше, нежели в среде армейских офицеров, провинциального и столичного чиновничества⁵³.

И все же студенты даже в конце 1830-х гг. еще не проявляли интереса к политике, не способны были выразить даже собственные интересы. Формирование студенческой корпорации еще не завершилось, студенчество оставалось слишком пестрым в социальном отношении. Только с 1860-х гг. по мере роста общественной и политической активности студенчества и авторитета университетской науки образ петербургского студента-драчуна и пьяницы, постепенно вытесняется в общественном сознании образом студента-оппозиционера и студента-интеллектуала.

В «ДОМЕ УНИВЕРСИТЕТА»: СЕМЕЙНЫЙ СТИЛЬ

В стенах дореформенного университета царил патриархальность отношений. «Семейный стиль» в Петербургском Педагогическом институте и университете выражался в том, что профессора поочередно инспектировали казенных студентов, выслушивали их жалобы, «увещевали» и наказывали, точно так, как в большой семье воспитывают детей. А студенты «шалили». Шалости 20–22-летних студентов были достаточно невинны, как, впрочем, и их собратьев в Казанском или Московском университетах. «Студент Еленев душил Александровича за то, что тот взял у него из-под подушки книгу в его отсутствие», а тот «желая освободиться» из рук Еленева, порвал на нем рубашку», — доносит инспектор⁵⁴. Или (запись М. Е. Резанова от 12 августа 1806 г.): «Студент Гаретовский в прошедший четверг в вечер жег на деревянном полу того покоя, в котором он живет, из непростительной шалости мочалы, от чего могли произойти весьма худые следствия»⁵⁵. Рапорт 21 октября 1806 г.: «Все благополучно, только студент Левицкий, как-то оступившись, вывихнул себе ногу, да в нижних студентских жилых покоях вышиблены кем-то из студентов два стекла навывлет, что и прежде нередко делалось...»⁵⁶.

Однако если несколько студентов чувствовали себя оскорбленными придираньями инспектора или несправедливостью наказания, учинялся «род бунта», т. е. согласованного выступления. Такое имело место в конце января 1807 г. в инспектор-

⁵¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 10. Д. 175: О недозволительных собраниях между студентами С.-Петербургского университета (1844).

⁵² Боква В. М. Эпоха тайных обществ. Русские общественные объединения первой трети XIX в. М., 2003.

⁵³ Жуковская Т. Н. «Тайные общества» первой трети XIX в. и организационные модели декабризма // 14 декабря 1825 года. Источники. Исследования. Историография. Библиография. Вып. 5. СПб., 2002. С. 63–94.

⁵⁴ ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 123. Л. 24

⁵⁵ Там же. Л. 26.

⁵⁶ Там же. Л. 33.

ство А. С. Лубкина, который обращался со студентами чересчур жестко. «Чесоточных» пациентов лазарета («здоровых больных», как он их назвал), которые не ходили на лекции, но шумно «резвились» с утра до вечера, Лубкин, видимо, оскорбил и словом, и делом, отняв у них постели днем. Та же безобразная сцена повторилась в столовой, когда у строптивых студентов был забран обед. Тогда они вступили в перепалку коллективно: и те, кто уже подвергся наказанию, и тех, кого Лубкин еще не трогал. Служители едва смогли с ними справиться. Объясняясь с нарушителями порядка, смотритель пытался развеять заблуждение о том, став студентами, они приобрели сообщаемую «благородному» сословию неприкосновенность. Поэтому для особо злостных протестантов Лубкин предложил в качестве меры воздействия наказание розгами, для остальных — помещение в карцер на хлеб и воду. Лубкин также предлагал Конференции учинить среди старших студентов сбор мнений об этом инциденте, «тогда, может быть, открылось и то, кто внушил студентам об их дворянстве и независимости. А что были такие люди, о том я знаю от них же. Может быть, эта сцена давно уже была заготовлена»⁵⁷. Столь пространное цитирование источника оправдано: в университетских документах первых лет XIX в., еще не ограниченных делопроизводственными формами, звучат живые голоса их авторов. Непосредственность языка ведомственной переписки почти стирается впоследствии.

Конференция одобрила предложения Лубкина, приняв во внимание, что студенты «действовали вместе наподобие заговора», что может подать худой пример⁵⁸.

Самое распространенное дисциплинарное нарушение для 1800–1820-х гг. — уход студентов со двора университета без отпускного билета, который подписывался конференц-секретарем или директором Института (ректором университета). В воскресный день по «билету» студент мог пойти к знакомым или родственникам. Случаи «самовольных отлучек» были нередки, что так живо передано авторами студенческих мемуаров. Типичная запись о подобных нарушениях в журнале инспектора от 23 декабря 1806 г.: «Студент Бутырский под четверток опять не ночевал дома, да и на лекции прав не был»⁵⁹. Однако иные недели, судя по рапортам инспекторов, проходили совсем без подобных происшествий.

В то же время многим воспитанникам, приехавшим из провинции, просто некуда было пойти в свободные часы, и они относились к университету как к дому, а к преподавателям, прислуге, чиновникам университета как к своим домашним. Иной раз тяжело больные студенты отказывались отправляться в Градскую больницу, желая остаться в здании университета. Многие, не имевшие в городе знакомых, вовсе не ходили в «увольнение».

Развлечений в университетских стенах было немного, день был расписан до полудня. Предусмотренные между лекциями прогулки во внутреннем дворе были

⁵⁷ Там же. Ф. 13. Оп. 1. Д. 189: О наказании за грубость студентов Малиновского, Приорова и Ильинского (1807). Л. 1–3, 5–6

⁵⁸ Там же. Л. 7

⁵⁹ Ф. 13. Оп. 1. Д. 123. Л. 41. Описание проступков институтскими инспекторами почти точно повторяет известные рапорты казанского проф. Броннера за 1815–1816 гг., где сказано и о драках между студентами, краже серебряных ложек, оскорблении самого инспектора и принятых им мерах воздействия — от попыток «увещевания» до наказания розгами. См.: Франц Ксаверий Броннер, его дневник и переписка...

короткими, выходы за территорию университета были редки: раз в неделю по субботам в баню, по воскресеньям — в церковь. Студентам можно было посещать любые храмы города, пока в новом здании на Звенигородской ул. не была открыта домовая университетская церковь. При перестройке здания Коллегий в центральной его части была спроектирована церковь св. Петра и Павла.

В отношениях внутри Института, по крайней мере, в первое десятилетие его существования, имело место рукоприкладство и битье. Конференция то выносит решение «о запрещении эконому избивать студентов»⁶⁰, то разбирает проступки студентов, ударивших или оскорбивших кого-то из служителей, которых обычно набирали из солдат-инвалидов. Между тем, в 1810–20-х гг. среди служителей университета были и ветераны наполеоновских войн, имевшие награды⁶¹.

До 1811 г. для наказания неуправляемых студентов применялись розги. Это не предусматривалось законодательством (ни в одном университетском уставе начала века не сказано о возможности телесных наказаний, самой суровой мерой после карцера являлось исключение), но такова была университетская повседневность. Исключить казенного студента, вышедшего из духовного звания, было нельзя (разве что переводом в военную службу), а пороть — можно.

Так, при разрешении уже упомянутого конфликта группы студентов с инспектором Лубкиным в январе 1807 г. Конференция «определила студенту Малиновскому дать 25 ударов розгами, а Приорову 15»⁶².

В апреле 1811 г. по Высочайшему повелению издается положение, «развязавшее руки» университетскому начальству, «об отсылке в военную службу казенных воспитанников и студентов, как здешнего Педагогического института, так университетов и других высших училищ из духовного звания и разночинцев развратного поведения и уличенных во вредных преступлениях по исключении их вовсе из упомянутых заведений»⁶³. С тех пор в российских университетах исчезает практика телесных наказаний.

УНИВЕРСИТЕТ И ПЕТЕРБУРГСКОЕ ОБЩЕСТВО

Для первой трети XIX в. «общество» — это, конечно, дворянские интеллектуалы: писатели, журналисты, салонные и клубные фигуры, среди них и лица более или менее близкие ко двору. В этом кругу «кипела» светская и деловая жизнь города. Степень информированности петербургского общества о жизни университета и отчасти отражение отношения общества к университету фиксируется по материалам периодической печати. Городские официальные, ведомственные, частные и научно-просветительские издания («С.-Петербургские ведомости», «Периодическое сочинение об успехах народного просвещения», «Журнал Департамента народного просвещения», «Известия... Академии наук» «Благонамеренный» и др.) печатали объявления об открытии публичных курсов, публичных испытаниях студентов, торгах и подрядах на хозяйственные работы университета, известия о диспутах, изданиях и продаже книг,

⁶⁰ ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 184.

⁶¹ В 1826 г. памятные медали в честь взятия Парижа получили ветераны Иван Брюзгалов, Петр Калинин, Трофим Сорокин, Григорий Калишкин. (ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 4221).

⁶² Там же. Ф. 13. Оп. 1. Д. 189. Л. 7.

⁶³ Там же. Д. 872. Сб. постановлений... Т.1. Ст. 633

написанных преподавателями, командировках за границу и т. д. С 1811 г. по решению Конференции в городских газетах печатались объявления о смерти и некрологи профессоров⁶⁴. «Серьезные» журналы печатали труды профессоров. Так «Статистический журнал» напечатал в двух номерах 1806 г. труд М. А. Балугьянского «Национальное богатство: Изображение различных хозяйственных систем»⁶⁵. Однако эти материалы терялись в потоке общегородской информации, а своих периодических изданий Петербургский университет в первой трети XIX в. не имел.

Более непосредственное влияние на городское общество университет оказывал через систему публичных лекций, преимущественно для военных и статских чиновников, желавших сдать «экзамен на чин», а также благодаря разрешению профессорам вести частные курсы, а студентам — давать частные уроки. Начальство пыталось пресечь практику частных профессорских курсов, но вынуждено было разрешать их снова, поскольку такого рода занятия были удобной формой самообразования для занятых службой людей.

С открытием Благородного пансиона в 1816 г. общественный интерес к Педагогическому институту возрос, тем более, что на казенное содержание в пансион могли попасть дети малосостоятельных дворян, не получившие систематического образования. Однако даже с преобразованием Главного педагогического института в университет и с открытием публичных курсов наук для привлечения своекоштных студентов популярность университета в столице не увеличилась. Слушателей на курсах, начавшихся с 1 ноября 1819 г., оказалось всего 20 человек, и это означало, что университет в 1820-х гг. «был еще роскошью для Петербурга»⁶⁶, точнее говоря, социальная востребованность университетского образования в столичном городе, наполненном разного рода учебными заведениями, была низка.

Несколько высокомерное отношение сановников к университету отражается, например, в дневниковой записи А. Х. Бенкендорфа о торжественном акте 1838 г., по поводу возвращения университета в здание Коллегий, ставшего «знаковым» событием для его истории. «25 марта. Благовещение. Был у обедни. Потом поехал в Университет, где происходил акт открытия. Бывшие двенадцать Коллегий вновь теперь отделаны для университета и Педагогического училища. Шульгин (ректор университета И. И. Шульгин – Т. Ж.) говорил очень дурно речь, которую почти нельзя было слышать от шума в зале. Сами студенты всего более шумели и возились; и мы... тотчас после речи Шульгина и уехали»⁶⁷.

В провинциальной Казани дома профессоров были привлекательны для городского «хорошего общества» с самого начала.⁶⁸ Первым «общественно значимым» публичным мероприятием, перенесенным на территорию университета, в Петербурге стали литературные вечера П. А. Плетнева в «ректорском флигеле». Это произошло лишь в 1840-х гг.

⁶⁴ ЦГИА СПб. Ф. 13. Д. 1006: О предписании публиковать некрологи умерших профессоров института с перечислением трудов.

⁶⁵ Статистический журнал. 1806. Т. 1. Ч. 1–2.

⁶⁶ Григорьев В. В. Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870. С. 29.

⁶⁷ Записки Бенкендорфа. 1812 г. Отечественная война. 1813 г. Освобождение Нидерландов. Сост., прим. П. Н. Грюнберга. Пер. Т. А. Ильяшенко, Е. Э. Ляминой, М. Тищенко. М., 2001. С. 281.

⁶⁸ Костина Т. В. Мир университетского профессора Казани. 1804–1863. Дисс. канд. ист. наук... Казань, 2007.

Очевидно, что общественный статус «профессора» в чиновном, придворном Петербурге был не столь высоким как в провинциальных университетских городах. Некоторую социальную изолированность в литературно-дворянской среде Петербурга ощущали даже заслуженные и известные своими трудами профессора, и это продолжалось примерно до 1840-х гг., когда с одной стороны, возрос интерес к успехам науки, а с другой, произошла демократизация общественных нравов. Не случайно желание профессоров университета снискать своими учеными трудами Высочайшее внимание (отсюда многочисленные ходатайства о разрешении посвятить их императору), стремление к внешним знакам отличия.

Сравнительно низкий общественный статус петербургского профессора определялся его непринадлежностью к потомственному дворянству, а это было «плебейство», по столичной мерке. Одни профессора специально «доказывают» свое потомственное дворянство, выправляя соответствующие документы (Е. Ф. Зябловский⁶⁹), другие добиваются «патентов» на профессорское звание, не имея докторской степени (речь о первом, наиболее демократичном по составу поколении профессоров). Их «плебейство» определялось и, в общем-то, невысоким для Петербурга чином и недворянским происхождением. Так, прослужив в Педагогическом институте 10 лет, профессора «первого поколения» (П. Д. Лодий, М. А. Балугьянский, В. Г. Кукольник) получают чин коллежского асессора, дающий право на потомственное дворянство только через 10 лет службы в России.

Любопытен «казус Резанова», исполнявшего должность профессора математики, который в 1809 г. ходатайствовал о присвоении ему чина VII класса, не будучи ординарным профессором. Вообще в первые годы существования Педагогического института здесь было всего три ординарных профессора, остальные, даже заслуженные ученые были профессорами только по должности (звание экстраординарного профессора в Институте было введено позже). Незавидное положение побудило пожилых профессоров А. М. Теряева и М. Е. Резанова, начавших службу в 1780-х гг. в Учительской семинарии, представить диссертации к защите⁷⁰.

Применительно к первой трети XIX в. мы не можем говорить о разнообразии форм публичности, доступных петербургскому профессору. Его профессиональные занятия еще не были признаны обществом, а сам он был далек от того круга, который считался общественной и литературной элитой столицы. В то же время профессорская корпорация не выработала еще собственной модели социального поведения, да по и своему составу оставалась слишком пестрой. В 1820-х гг. в Петербургском университете одновременно служили дипломированные в Европе доктора (М. А. Балугьянский, П. Д. Лодий и др.), берлинские магистры (А. П. Куницын, Д. И. Чижев, М. Г. Плисов и др.), «академики», т. е. питомцы Академического университета и сотрудники Академии наук, преподаватели старшего поколения, начинавшие карьеру в Учительской семинарии, наконец, карьеристы, не имеющие ученых званий и серьезных трудов, но ставшие администраторами (А. А. Дегуров, бывший ректором в 1825 — 1835 гг.).

Кстати сказать, отношения «приглашенных» из-за границы профессоров с местной академической средой не были бесконфликтными, а положение профессора-иностранца не столь блестящим, несмотря на то, что правительство старалось создать

⁶⁹ ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 986.

⁷⁰ Там же. Д. 1419.

приедем наилучшие условия. Конфликт этот лежал вне научно-учебной или национальной сферы, хотя первое время приглашенным из империи Габсбургов профессорам-«карпатороссам» (русинам) было трудно объясняться с русскими студентами. Очевидно, что представления профессоров-иностранцев (М. А. Балугьянского, П. Д. Лодия, Э. Раупаха, К. А. Шумахера) «европейцев» по своей ментальности, сформировавшихся в немецких университетах и там получивших представления о корпоративных традициях и правах, расходились с понятиями и опытом профессоров местных, сформировавшихся в стенах училища Академии наук или Учительской семинарии⁷¹. Некоторое время иллюзии приезжих в отношении близости режима новых российских университетов и их германских прообразов питались духом и буквой дарованных властью университетских уставов. Однако они наталкивались на каждодневное отступление от принципов автономии, столь широко декларированных. И все же большая часть профессоров смогла адаптироваться в Петербурге, уехавших после нескольких лет службы — лишь несколько, да и те, как В. Г. Кукольник и Г. Терлаич, мотивировали отъезд личными обстоятельствами и, поменяв место службы, не покинули России.

Если облик провинциальных городов с момента учреждения в них университета определялся именно университетом, превращавшимся в градообразующий, культурный, архитектурный центр⁷², если Московский университет был *общественным* центром старой Москвы уже в конце XVIII в., то в Петербурге университет оставался на периферии городской и общественной жизни до конца 1830-х гг. Думается, что это положение связано с демократичным социальным составом профессоров и длительным отсутствием дворянско-чиновной прослойки в студенчестве. В Петербурге до начала 1820-х гг. не было «вольных» (своекоштных) студентов, да в течение следующего десятилетия их было немного. Город вообще мало видел и плохо знал своих студентов, живущих изолированно в «доме университета». При этом нельзя не упомянуть о «кондициях», т. е. частных уроках, которые давали лучшие студенты института и университета, обычно в свободное от лекций время. Среди домов петербургской знати, где появлялись «кондиционеры», были дома сенатора и попечителя Московского университета М. Н. Муравьева, графа Строганова, князя Голицына, представителей иностранных посольств и др.⁷³ И все же признание профессионального уровня отдельных студентов и выпускников университета — еще не признание его общественной значимости.

Иная картина рисуется в мемуарах московских студентов начала 1830-х гг. И. А. Гончаров, учившийся в Московском университете в 1831–1834 гг., писал: «Наш университет... был святилищем не для одних нас, учащихся, но и для их семейств и для всего общества. Образование, вынесенное из университета, ценилось выше всякого другого. Москва гордилась своим университетом, любила студентов как будущих самых полезных, может быть, громких, блестящих деятелей общества. Студенты гордились своим

⁷¹ Это различие обнаруживается, например, в конфликте проф. Е. Ф. Зябловского с П. Д. Лодием, вынесенном на обсуждение Конференции в 1812 г. (ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 868).

⁷² Вишленкова Е. А. Мальшева С. Ю., Сальникова А. А. Terra universitatis: два века университетской культуры в Казани. Казань, 2005. С. 15.

⁷³ ЦГИА СПб. Ф. 13. Д. 187: Списки студентам, кои хотят на кондиции.

званием и дорожили занятиями, видя общую к себе симпатию и уважение. Они важно расхаживали по Москве, кокетничая своим званием и малиновыми воротниками»⁷⁴.

Добавим еще одну причину сравнительно низкой общественной репутации столичного университета в рассматриваемый период — малочисленность корпорации, отсутствие, за небольшим исключением, у ее членов связей в среде высших чиновников, без которых в петербургское общество войти было немислимо. В 1811–1821 гг. попечитель С. С. Уваров попытался ближе «познакомить» город с университетом. По его инициативе торжественное открытие кафедры восточных языков в Главном педагогическом институте (1818) освещали общественно значимые издания («Сын отечества»), на него были приглашены, кроме членов Академии наук и ученых обществ, крупные чиновники, литераторы, «арзамасцы». Речь самого Уварова на открытии кафедры стала манифестом официального либерализма и имела общественный резонанс. Тем не менее, в печать и в записки современников попадают лишь лаконичные упоминания о том или ином событии, произошедшем в университете, без характеристики самого университета⁷⁵. Это общественное безразличие к судьбе университета отразилось и в пассивном наблюдении за «погромной кампанией», развернутой Д. П. Руничем в 1821–1822 гг. против ведущих профессоров.

Таким образом, до конца 1830-х гг. Петербургскому университету не хватало «публичности». Прорывом общественной изоляции стали торжественные акты 1838 г. (празднество, приуроченное к переезду университета в здание Коллегий), 1839, 1840 гг. С тех пор правилом стало опубликование актовых речей, содержащих краткий отчет о состоянии университета (в 1820-е гг. и в начале 1830-х гг. актовые речи публиковались нерегулярно и содержали мало информации об университете).

УНИВЕРСИТЕТ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИЦЕНЗИРОВАНИЯ

Университет как организационный центр распространения просвещения оказывал влияние на количество и состояние частных училищ, пансионов, воспитательных заведений, поскольку «лицензировал» их открытие и давал разрешение на преподавание. Для этого в университете учреждался «комитет об испытаниях на учительские должности», в который также обращались лица, не получившие систематического образования, но желавшие преподавать⁷⁶.

Наиболее массовой практикой лицензирования была выдача свидетельств об «испытаниях в науках» тем чиновникам, которые согласно указу от 6 августа 1809 г. претендовали на получение VIII классного чина, означавшего приобретение потомственного дворянства⁷⁷. Для этого в университете еще в бытность его Педагогическим институтом был создан еще один постоянный «комитет испытаний», в состав которого входили почти все профессора.

⁷⁴ Гончаров И. А. В университете. Как нас учили 50 лет назад // Цит. по: Соловьев И. М. Русские университеты в их уставах и воспоминаниях. М., 1914. С. 122, 124.

⁷⁵ См.: Остафьевский архив кн. Вяземских. Т. 1. СПб., 1899. С. 96; Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу. 1811–1824. М.-Л., 1936. С. 254–255.

⁷⁶ При других университетах существовали цензурные комитеты, в которые входили профессора. Однако в силу сложности и масштабов цензурной деятельности в столице, Петербургский цензурный комитет существовал отдельно от университета, хотя и привлекал университетских профессоров в качестве экспертов.

⁷⁷ Сб. постановлений... Т.1. Стб. 510–517.

Отражением типично университетской функции, которую выполнял Педагогический институт, были непериодические «испытания» его профессорами лиц, обладавших дипломами европейских университетов и желающих подтвердить свою квалификацию, вступая в российскую службу. Так, одним из первых в практике института, был «испытан» помощник редактора Комиссии составления законов, в будущем известный издатель «Русского инвалида», Петр Пезарровиус, который представил диплом доктора философии Иенского университета. Испытание, которым руководил проф. философии П. Д. Лодий, происходило в форме устного экзамена и представления «диссертации», т. е. рассуждения по нескольким заранее сформулированным проблемам, и было признано успешным⁷⁸.

«Испытанию» на ученую степень магистра подвергались один за другим стипендиаты, вернувшиеся в 1811–1812 гг. из-за границы и те, кто готовился к магистерским испытаниям, не выезжая. В необходимых случаях на магистерский экзамен приглашались представители Академии наук и Медико-хирургической академии.

«РАССЕЯННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Продолжением университетских связей была служба питомцев Петербургского университета в училищах столичного округа и всех без исключения округов империи. Только с 1807 по 1830 г. университетом было выпущено не менее 400 «студентов»⁷⁹, особенно многочисленными были три выпуска Педагогического института. Ни один другой университет России в то время не осуществлял столь масштабную и последовательную кадровую экспансию в другие округа. Это не удивительно, если вспомнить, что и Педагогический институт, и его предшественница — Учительская семинария готовили кадры для занятия не только учительских мест в гимназиях, но и профессорских мест в университетах, которыми предполагалось «покрыть» Россию еще в 1780-х гг.

Для казенных студентов (а до начала 1820-х гг. их абсолютное большинство) обязанность прослужить 6 лет в училищном ведомстве поддерживала на эти годы систему связи их с университетом, особенно тесной, если они получали назначение в пределах С.-Петербургского учебного округа. Их командировки и отпуска, а также надзор за их службой и поведением осуществлялись через «визитаторов» университета, раз в год объезжавших училища округа (училища СПб. губернии — дважды в год), и директоров училищ, куда отправлялись студенты. Студенты, получившие учительские места в пределах округа, обязаны были испрашивать у непосредственного начальства (т. е. у Конференции института, затем у Правления университета) разрешения на вступление в брак или на отпуск, через университет они представлялись к награждению и повышению в чине. Правлению же они возвращали из учительского жалования прежние

⁷⁸ ЦГИА СПб. Ф. 13. Д. 75 (1805).

⁷⁹ Термин «студент» до начала 1820-х гг. и упорядочения законодательства об ученых степенях был весьма многозначен. Студентами называли не только воспитанников в течение 3–4 лет их обучения, но и окончивших университет, но не вышедших из его ведения. При этом они могли отправиться на стажировку за границу, получить магистерскую степень, стать преподавателями других учебных заведений — в университетском делопроизводстве они все равно проходят как «студенты».

долги или суммы, затраченные на проезд к месту назначения. В Совет университета выпускники представляли в написанные ими труды и сочинения, в университете защищали диссертации, и тогда их карьера, конечно, круто изменялась. Еще несколько лет студенты находились «в непосредственном ведении» университета, да и по истечении срока обязательной службы — в постоянном контакте с ним. Раз в год или раз в полгода они встречали «визитатора» — своего же профессора, отчитывались перед ним. В случае их смерти размер пособия, определяемого вдове и детям, также зависел от решения университетского начальства, от того, как оно оценивало способности и заслуги умершего, поскольку пенсионное законодательство, касающееся учителей, еще не оформилось. До истечения срока обязательной службы питомцы университета назывались в делопроизводственных документах «студентами», хотя по должности они могли быть учителями, старшими учителями, смотрителями училищ, цензорами, лаборантами, лекторами и т. д.

По существу, пространство социальных связей Петербургского университета можно расширить до границ империи, поскольку большая часть его «студентов» отправлялась преподавать в отдаленные от столицы города и селения, иногда по принуждению, чаще — в согласии с собственным выбором. Уже в 1810–1820-х гг. они служили от Тифлиса — до Або, от Ковно — до Иркутска. Сюжет о распределении выпускников и системе кураторства университета над ними совершенно обойден в литературе, между тем источники по этой теме достаточно информативны. Ведомости о распределении студентов на учительские места и другие должности, начиная с 1807 г., переписка с училищным начальством по поводу их деятельности, формулярные списки учителей (по Петербургскому учебному округу), представленные в фондах университета, позволяют подготовить замечательную базу данных на несколько сотен выпускников.

В определенном смысле тему «рассеянного университета» продолжает практика увольнения выпускников на летние вакации и отпуска «по семейным обстоятельствам», практика научных и служебных командировок студентов и профессоров, когда человек покидал территориальные границы университета, но не выключался из системы университетской связей.

Встречаются исключения из практики обязательной учительской службы казенных воспитанников. Иногда казеннокоштным студентам разрешалось по окончании обучения или даже посередине курса вступать в военную службу. Несколько увольнений такого рода произошло в 1812–1813 гг. Но попытки перейти в военную службу отмечались и ранее, в 1806–1807 гг., после объявления Манифеста о созыве ополчения, на волне вызванного им патриотического подъема. Студенты Педагогического института тогда писали коллективные прошения в Конференцию о вступлении в действующую армию, риторика которых отсылает к официальным антинаполеоновским манифестам. Вот пассаж из коллективного прошения Егора Сферина, Андрея Борисоглебского и Семена Яновского: «Мы — россиане, и не имеем чем пожертвовать Отечеству кроме своей жизни. Если она может быть полезна в каком бы то ни было случае, то мы охотно отдаем ее... Нынешние обстоятельства требуют сего, и неужели одни Минервины питомцы не должны защищать храм ея? Мы оставляем оный, чтобы после, когда благоволит Правящий судьбами царств войти в него с лавром, купленным кровию своею, чтобы тем более полюбить оный, так как защищаемый собственными руками. Мы соделаемся воинами, чтобы после

быть воспитателями воинов, в противном же случае мы умеем умереть. Почтеннейшая Конференция! Мы надеемся, что просьба наша будет представлена, куда следует...»⁸⁰. Вскоре еще несколько казенных студентов (Лев Левицкий, Иван Александровский, Данила Шаргородский, Ананий Козачковский и «студент из дворян» Павел Савич-Канивецкий) подали аналогичную просьбу.

Решение об увольнении студентов в военную службу принималось на уровне министра, и всем просителям в 1806–1807 гг. было отказано, кроме последнего — Савич-Канивецкого, бывшего «вольным студентом», как тогда писалось. Та же история повторилась в 1812 г., но на этот раз рапорты отдельных студентов были удовлетворены. Однако вернувшемуся из «академического путешествия» в 1811 г. адъютанту А. В. Ржевскому было отказано вступить в ополчение⁸¹. И это понятно: на его десятилетнюю подготовку к профессуре в Институте, а потом за границей Министерство народного просвещения к тому времени затратило не менее 10 тыс. руб., и потерять «готового профессора» было неразумно. Этот казус вызвал необходимость регламентировать переход в военную службу и ополчение студентов и чиновников университета и их возвращение к прежнему состоянию.

Социальные связи Петербургского университета в переходный период его существования, когда он значительно уступал Московскому, не только в количестве студентов, кафедр, но и в оформленности собственных научных школ, — постепенно умножались и крепились. С большим опозданием, но все же преодолевалась длительная социальная изоляция университета в имперской столице и относительная маргинальность положения его членов внутри петербургского общества. К концу 1830-х гг. по количественному составу и социальной стратификации петербургского студенчества и профессуры их облик уже не отличался существенно от облика корпорации Московского университета.

⁸⁰ ЦГИА СПб. Ф. 13. Д. 171. Л. 2.

⁸¹ Там же. Д. 173.